

Annotation

Русский город Фонд Форума по Истории Архитектурно-краеведческая библиотека

- [И.Я. Фроянов](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

И.Я. Фроянов

Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов

Сохраненный древними летописями рассказ о призвании союзом северо-западных племен варяжского конунга Рюрика с братьями остается еще во многом загадочным для исследователей. Как явствует из летописного повествования, изнуренные взаимными войнами племена сошлись на совет «и реша сами в себе: „Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву“. И идоша за море к варягам, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь... Реша русь, чюдь, словени, и кривичи и вси: „Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Да пойдете княжить и володеть нами“. И избрашася 3 брѣтья с роды своими, пояша по собе всю русь и приидоша; старейший, Рюрик, седе Новегороде, а другой, Синеус, на Беле-озере, а третий Изберете, Трувор»^[1].

Русские ученые XVIII и XIX вв. обычно относились с полным доверием к Сказанию о призвании варягов. Они спорили лишь по вопросу об этнической принадлежности пришельцев, не сомневаясь в самой реальности сообщаемых летописью под 862 г. событий^[2]. Постепенно, однако, складывается мнение, что в рассказе о призвании запечатлено и многое из действительности начала XII в., когда создавалась летопись. Так, Н. И. Костомаров на диспуте с М. П. Погодиным 19 марта 1860 г. о начале Руси говорил: «Наша летопись составлена уже в XII веке и, сообщая известия о прежних событиях, летописец употреблял слова и выражения, господствовавшие в его время»^[3]. О влиянии новгородских порядков поздней поры при создании легенды писал Д. И. Иловайский^[4]. Но настоящий перелом здесь наступил благодаря работам А. А. Шахматова, который показал, что Сказание о призвании варягов это — поздняя вставка, скомбинированная способом искусственного соединения нескольких северорусских преданий, подвергнутых глубокой переработке летописцами. Шахматов увидел преобладание в нем домыслов над мотивами местных преданий о Рюрике в Ладоге, Труворе в Изборске,

Синеусе на Белоозере и обнаружил литературное происхождение записи под 862 г., явившейся плодом творчества киевских летописцев второй половины XI — начала XII века^[5].

После исследований Шахматова в области истории русского летописания ученые стали значительно осторожнее относиться к летописным известиям о происшествиях IX века. Не обошлось, впрочем, и без крайностей. В. А. Пархоменко, например, призывал «совершенно скептически» отнестись «к летописному повествованию о призвании на княжение Рюрика» и не придавать этому «северному легендарному эпизоду» серьезного научного значения^[6].

Однако не все историки столь недоверчиво воспринимали летописные известия 862 года. В «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровского, написанной еще в дореволюционное время, говорилось, что в вопросе о том, как появилась династия Рюриковичей у восточных славян, «всего безопаснее» придерживаться текста летописи^[7].

Неоднократно обращался к данному сюжету Б. Д. Греков. Следует отметить, что его мнение не оставалось неизменным. В ранних изданиях монографии «Киевская Русь» он отмечал, что киевский летописец Сильвестр использовал запись новгородского летописца, приспособив «новгородское сказание к своим собственным целям», назидательный по замыслу: «Отсутствие твердой власти приводит к усобицам и вос-станиям. Восстановление этой власти (добровольное призвание) спасает общество от всяких бед. Спаси-телями в К в. явились варяжские князья, в частности Рюрик. Рюриковичи несли эту миссию долго и успешно, и лишь в конце XI в. снова повторились старые времена — „встали сами на ся, бысть межи ими рать велика и усобица“. Призвание Мономаха в Киев таким образом оправдано, и долг киевлян подчи-няться призванной власти, а не восставать против нее». Греков не отрицал полностью факта призвания Рюрика, хотя и сомневался в точности передачи его подробностей. Какие же реальные события увидел исследователь в предании о Рюрике? «Если быть очень осторожным и не доверять деталям, сообщаемым летописью, — писал он, — то все же можно сделать из известных нам фактов вывод о том, что варяжские викинги частью истребили местных князей и местную знать, частью слились с местной знатью в один

господствующий класс. Так началось сколачивание аляповатого по форме и огромного по территории государства Рюриковичей»^[8].

Очень скоро Греков стал перестраиваться в своих суждениях, смещая акценты, а то и вовсе меняя их смысл. Уже в издании 1939 г. он, опираясь на результаты исследований Шахматова, уличает летописца, стремившегося возвеличить род Рюриковичей, в склонности к норманизму. В известиях Повести временных лет о Рюрике автор видит «переделку старых преданий о начале русской зеши, освещенную сквозь призму первого русского историка-норманиста, сторонника теории варяго-руси». Вносит он изменения и в историческую канву предания, а что касается призвания, повествует с некоторой неохотой: «Варяжские викинги, — допустим, даже и призванные на помощь одной из борющихся сторон, — из приглашенных превратились в хозяев и частью истребили местных князей и местную знать, частью слились с местной знатью в один господствующий класс. Но сколачивание аляповатого по форме и огромного по территории Киевского государства началось с момента объединения земель вокруг Киева и, в частности, с включения Новгорода под власть князя, сделавшего Киев центром своих владений». Греков, как видно, круто меняет ход начальной истории Русского государства, перенося главную историческую сцену с севера на юг, из Новгорода в Киев. Давал о себе знать и нарастающий синдром норманизма, парализовавший вскоре исследовательскую мысль. Но некоторое время Греков не находил ничего невероятного в самой личности Рюрика, возглавившего «вспомогательный наемный датский отряд», который прибыл на «новгородскую территорию» по приглашению одной из борющихся сторон. В последней, по-смертной публикации «Киевской Руси» 1953 г., куда вошли поправки автора к тексту издания 1949 г., отношение к летописной записи о варягах еще более настороженное: «Есть большое основание сомневаться в точности предания о Рюрике, о котором тенденциозно говорят наши летописи. Несомненно, призвание трех братьев — ходячая легенда, весьма популярная в XI–XII веках. Возможно предположить лишь факт найма новгородцами варяжских вспомогательных отрядов. Такого рода факты имели место и при Владимире и Ярославе. Но это совсем не „призвание“, на котором базируются норманисты»^[9].

Приглашение словенами «варяжской наемной дружины» допускал и В. В. Мавродин. Один из новгородских старейшин, полагал он, пригласил на помощь в борьбе с другими правителями «какого-то варяжского конунга, которого летописное предание назвало Рюриком». Явившись с дружиной в Новгород, варяжский викинг «совершает переворот, устраняет или убивает новгородских „старейшин“, что нашло отражение в летописном рассказе о смерти Гостомысла „без наследия“, и захватывает власть в свои руки». Мавродин не уверен, «существовали ли реальные Рюрик, Синеус и Трувор». Но нет никаких оснований «обязательно считать их легендарными»^[10].

Стремление автора выявить реальное значение варягов в образовании Древнерусского государства было расценено как сближение с норманизмом, как уступка норманистской концепции. В вину Мавродину было поставлено даже то, что он в отдельных случаях называл варягов «купцами», тогда как их следовало изображать как «разбойничьи дружины» или, по крайней мере, как «воинов-наемников»^[11]. Эта, с позволения сказать, «критика» являлась веянием времени: в стране начиналась охота на «космополитов». Чтобы избежать обвинений в норманизме, лучше было не замечать конкретных реалий в летописном рассказе о призвании варягов или же свести их к минимуму.

В это тяжелое для исторической науки время появляются труды Д. С. Лихачева по истории летописания. В них затрагивался и вопрос о достоверности известий летописца о Рюрике; «Легенда о призвании трех братьев варягов — искусственного, „ученого“ происхождения», — пишет Лихачев, причем в ней имеется «примитивная и отсталая часть», которую взяли на вооружение «современные псевдо-ученые норманисты». Автор подчеркивает ненародный характер легенды, «в основном созданной в узкой среде киевских летописцев и их друзей на основании знакомства с северными преданиями и новгородскими порядками». Историческое зерно ее невелико. Она была «на руку печерским летописцам, стремившимся утвердить родовое единство русских князей; легенда утверждала династическую унификацию: все князья — члены одной династии, призванной на Русь в качестве мудрых и справедливых правителей. Как представители одного рода, они должны прекратить братоубийственные раздоры: такова мысль киевских летописцев,

постоянно проводимая ими в своих летописях»^[12]. Легенда служила и еще одной цели. Так, Русское государство, с точки зрения греков, «было обязано своим происхождением Византии. Законная власть явилась на Русь лишь после ее крещения и была неразрывно связана с церковью. Вот с этой-то греческой точкой зрения и боролись печерские летописцы»^[13] Привлекает внимание то обстоятельство, что автор ищет «историческое зерно» легенды не в событиях, каким она посвящена, а в политических коллизиях времен внуков Ярослава, то есть не в конце X в., а в конце XI — начале XII столетия. Такое хронологическое переключение, конечно, сглаживало остроту проблемы, но придавало ее изучению некоторую односторонность, недоговоренность и расплывчатость.

Аналогичную хронологическую перестановку произвел и С. В. Юшков. «Уже давно было отмечено, — рассуждал он, — что автор древнейшего летописного свода был далеко не тем летописцем, который добру и злу внимал равнодушно. При работе над своим произведением он планомерно и настойчиво проводил ряд тенденций, которые были интересны Киевской правящей верхушке. В условиях распада Киевского государства надо было всячески подчеркнуть значение государственного единства, значение единой сильной власти, указав, что при отсутствии этой власти неизбежны междоусобицы. Надо было всячески возвеличить правящую династию, показав ее роль в организации Киевского государства». Юшков отдает должное мастерству летописца и отмечает, что его рассказ о призвании князей составлен с большим искусством, так что трудно отделить в нем правду от вымысла. И все же он, по Юшкову, сплошь легендарен. Юшков не видел никакой надобности в гипотезе Грекова, «объясняющей появление норманских варяжских князей в Новгороде приглашением их вместе с военным отрядом и с дружиной одной из враждовавших Новгородских группировок»^[14].

Так в исторической науке выхолащивалось конкретное содержание летописных известий о призвании варягов. В них вкладывался лишь идейный смысл, приуроченный к историческим событиям конца XI — начала XII века. Сама же варяжская проблема становилась ареной идеологического и политического противостояния. Красноречиво в этой связи заявление Грекова: «Легенда о „призвании варягов“ много веков находилась на вооружении идеологов

феодалного государства и была использована русской буржуазной наукой. Ныне американско-английские фальсификаторы истории и их белоэмигрантские прислужники — космополиты вновь стараются использовать эту легенду в своих гнусных целях, тщетно пытаясь оклеветать славное прошлое великого русского народа. Но их попытки обречены на провал»^[15]. Характерно, что эти обличения звучали со страниц солидного академического издания, свидетельствуя о превращении истории в служанку политики.

В середине 50-х — начале 60-х годов такого рода заявления оценивались как вульгаризация и упрощение сложных вопросов исторической науки^[16]. Исследование Сказания о призвании варягов продолжалось.

Возникновение легенды о призвании князей Б. А. Рыбаков связал с историей Великого Новгорода: «Стремление новгородцев в XI–XII вв. обособиться от власти киевских князей, широкие торговые связи Новгорода со Скандинавией, использование новгородскими князьями в борьбе с Киевом наемных варяжских отрядов (Владимир и Ярослав в начале их деятельности) — все это в сочетании с тенденцией избирать себе князя и породило в новгородском летописании XI–XII вв. вымыслы о призвании варяжских князей и затем отождествление варягов с русью». Впоследствии Сильвестр, оправдывая призвание Мономаха в Киев, воспользовался новгородской летописью и внес ее рассказ в отредактированную им Повесть временных лет. Рыбаков полагает, что к тому моменту, когда на Севере славянского мира появились варяги, в Среднем Поднепровье уже сложилась Киевская Русь. «Варяги-пришельцы не овладевали русскими городами, а ставили свои укрепленные лагеря рядом с ними»^[17]. Автор признает реальность Рюрика, но сомневается в двух других героях легенды — Синеусеи Труворе, считая их происхождение анекдотическим. Такое происхождение «братьев» Рюрика «говорит нам и о степени достоверности всей легенды в целом. Она сфабрикована, очевидно, из различных преданий и рассказов, в которых историческая правда сплеталась с вымыслом, окружившим описание событий, происходивших за два столетия до их записи. Источником сведений о Рюрике и его „братьях“, вероятнее всего, был устный рассказ какого-нибудь варяга или готландца, плохо знавшего русский язык». Важно отметить, что Рыбаков допускает наличие

«исторической правды» в легенде. Но еще более существенно то, что он выделял норманский период в истории Руси, охватывающий три десятилетия (882–911 гг.), когда «власть в Киеве захватил норманский конунг Олег, ставший на время киевским князем»^[18].

В книге, вышедшей сравнительно недавно, фигурирует уже новгородец, «плохо знавший шведский язык», поскольку «принял традиционное окружение конунга за имена его братьев»: Синеус — Sine hus («свой род») и Трувор — thru varing («верная дружина»). Достоверность легенды в целом невелика. «Было ли призвание князей или, точнее, князя Рюрика?» — ставит вопрос Рыбаков. Он полагает, что «ответы могут быть только предположительными. Норманские набеги на северные земли в конце IX и в X в. не подлежат сомнению. Самолюбивый новгородский патриот мог изобразить реальные набеги „находников“ как добровольное призвание варягов северными жителями для установления порядка. Такое освещение варяжских походов за данью было менее обидно для самолюбия новгородцев, чем признание своей беспомощности. Могло быть и иначе: желая защитить себя от ничем не регламентированных варяжских поборов, население северных земель могло пригласить одного из конунгов на правах князя с тем, чтобы он охранял его от других варяжских отрядов. Приглашенный князь должен был „рядить по праву“, т. е. мыслилось в духе событий 1015 г., что он, подобно Ярославу Мудрому, оградит подданных какой-либо грамотой». Рыбаков не выделяет теперь «норманский период» в истории Руси конца IX — начала X века. Источники, по его мнению, «не позволяют сделать вывод об организующей роли норманнов не только для организованной Киевской Руси, но даже и для той федерации северных племен, которые испытывали на себе тяжесть варяжских набегов. Даже легенда о призвании князя Рюрика выглядит как проявление государственной мудрости самих новгородцев»^[19].

Если Рыбаков рассматривал «призвание Рюрика» как один из возможных вариантов толкования варяжской легенды, то А. Н. Кирпичников, И. В. Дубов и Г. С. Лебедев не видят ему никакой альтернативы. Исходя из своих преувеличенных представлений о Ладоге «как первоначальной столице Верхней Руси», они именно ладожан наделяют инициативой «призвания Рюрика», которое, по уверению авторов, будучи «дальновидным» шагом, явилось «хорошо

продуманной акцией, позволяющей урегулировать отношения практически в масштабах всей Балтики». По словам Лебедева, историческая канва событий «предания о варягах» ныне «восстанавливается подробно и со значительной степенью достоверности»^[20]. Летописное «сказание о варягах» воспринимается, стало быть, названными учеными как вполне доброкачественный исторический материал, позволяющий воссоздать реальные события конца IX в., пережитые Северной Русью.

Таким образом, в советской историографии существуют три подхода к известиям летописи о призвании варягов. Одни исследователи считают их в основе своей исторически достоверными. Другие — полностью отрицают возможность видеть в этих известиях отражение реальных фактов, полагая, что летописный рассказ есть легенда, сочиненная много позже описываемых в ней событий в пылу идеологических и политических страстей, волновавших древнерусское общество конца XI — начала XII века. Третьи, наконец, улавливают в «предании о Рюрике» отголоски действительных происшествий, но отнюдь не тех, что поведаны летописцем. Кроме того, они говорят и об использовании этого предания в идейно-политической борьбе на грани XI и XII столетий. Последняя точка зрения представляется более конструктивной, чем остальные.

Что можно добавить или возразить по поводу имеющих в исторической литературе суждений относительно рассказа летописца о призвании варягов? Необходимо прежде всего отделить вопрос об идейно-политическом звучании варяжской легенды на Руси конца XI — начала XII в. от проблемы ее исторического содержания, связанного со второй половиной IX века. Выскажем сразу же несогласие с идеей анти-греческой направленности легенды, обусловленной будто бы стремлением отстоять суверенитет Руси, отбросить притязания Византии на «игемонию»^[21]. Покушения Константинополя на политическую независимость Руси не находят обоснования в источниках, где «нет и намека на то, будто империя посягала на политическую самостоятельность Руси. Нет и намека на то, что какой-нибудь грек-митрополит (хоть он и являлся агентом империи) претендовал на заметную политическую роль»^[22]. Поэтому «ни о какой вассальной зависимости от Византии, кроме признания авторитета императора и его первенства в системе христианских

держав, не может идти речь при характеристике отношений между Русью и Византией»^[23].

Нельзя также мотив братьев, представленный в Сказании, ограничивать только идеей «родового единства русских князей» и «династической унификации».

В идейной ткани легенды обнаруживается сложное смысловое переплетение. Новгородские и киевские идеологи по-разному воспринимали рассказ о варяжских князьях, находя в нем то, что отвечало их настроениям и чаяниям. Для Южной Руси конца XI — начала XII в., истощаемой княжескими «которами», идея братства и единения князей была актуальной. В Новгороде она не имела такой остроты. Зато внутриволостные и некоторые территориальные вопросы приобрели несомненную злободневность. Верховенство Новгорода в волости, куда входили крупные по тому времени города, такие, как давняя его соперница Ладога и набиравший силу Псков, — вот что занимало новгородскую общину. В Сказании о варягах этот интерес обозначен достаточно рельефно. Он проглядывает здесь первый раз, когда говорится о том, что старший брат Рюрик сел на княжение в Новгороде, а его младшие братья обосновались в городах, тянувших к волховской столице, и второй раз, когда речь идет о смерти Синеуса и Трувора и об установлении единовластия Рюрика. В Новгородской Первой летописи это выглядит так: «И седе старейший в Новегороде, бе имя ему Рюрик; а други седе на Белеозере, Синеус, а третей в Изборьске, имя ему Трувор... По двою же лету умре Синеус и брат его Трувор, и приа власть един Рюрик, обою брату власть, и нача владети един». Лаврентьевская летопись содержит продолжение данного сюжета: «И приа власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи, а перьвии насельници в Новегороде словене, в Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Беле-озере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрик»^[24]. Легко заметить двустороннюю направленность приведенного летописного отрывка: внутриволостную и межволостную. Что это означает?

Новгород, во-первых, заявлял о своих претензиях на господствующее положение в волости, поскольку издревле являлся средоточием верховной власти, распространявшей свое действие на соседние города и земли. Во-вторых, он объявлял города Верхней

Волги находящимися в сфере своих интересов, то есть притяжал на эти города. Такая политика Новгорода вытекала из конкретной исторической ситуации, сложившейся в конце XI — начале XII века.

К этому времени Новгород заметно продвинулся в приобретении самостоятельности и независимости от Киева. В городе укрепляется местный институт посадничества^[25]. Представители киевской власти вытесняются новгородскими «чиновниками». Так в Ладоге появляется новгородская администрация^[26]. Вместе с тем обостряются внутриволостные отношения с такими крупными городами Новгородской земли, как Псков и Ладога, которые тяготеют к отделению от Новгорода и образованию собственных волостей. Внешне стремление к суверенитету выражалось в попытках обзавестись у себя княжеским столом, что на короткое время удалось Пскову; там нашел себе приют князь Всеволод Мстиславич, изгнанный новгородцами. Военный конфликт произошел у Новгорода с Ладогой, о чем, возможно, говорит летописная запись: «Идоша в Ладогу на воину». Но самое замечательное состоит в том, что ладожане в начале XII в. создают свою версию Сказания о призвании варяжских князей, согласно которой Рюрик княжит сначала в Ладоге, а лишь потом переходит в Новгород^[27]. А. Г. Кузьмин верно почувствовал в ладожском варианте Сказания соперничество двух северных городов. Но он ошибся, сведя это соперничество к первоначальному смыслу всего Сказания. Оно, по нашему убеждению, включает производный смысл, обусловленный историческими реалиями конца XI — начала XII века. То была идеологическая акция ладожской общины в ходе борьбы с Новгородом за создание собственной волости. Однако Ладога не сумела добиться поставленной цели, оставшись пригородом Новгорода, тогда как Псков получил со временем желанную свободу.

Сообщение летописца о княжении Синеуса на Белоозере выводит нас на межволостной уровень отношений Новгорода. Само княжение Синеуса, безусловно, вымысел. В IX в., как известно, Белоозера еще не было. Археологически город прослеживается только с X века^[28]. Отсюда затруднения, испытываемые исследователями, при определении «третьего племени-федерата» — участника северо-западного межплеменного союза. А. В. Куза считал, что «им могли быть и меря, и чудь, и даже весь или мурома, упомянутые Повестью временных лет. Вероятно, в роли союзников словен и кривичей устное

предание помнило чужд вообще, а не какое-нибудь конкретное племя. Впоследствии летописцы или их информаторы, пытаясь осмыслить давно минувшие события, руководствовались на этот счет своими соображениями». Он склонялся к выводу о замене Ладоги, упоминаемой в устном предании, на Белоозеро, произведенной позднее интерпретатором этого предания^[29]. Нам думается, что Белоозеро не только отсутствовало в первоначальной версии Сказания о «призвании варягов», но и не было заменой другого города. Оно появилось тогда, когда предание стало записываться и переписываться древними книжниками, то есть во второй половине XI — начале XII в., — во время интенсивного формирования городских волостей-земель, или городов-государств, в процессе которого возникали межволостные территориальные конфликты. Новгородская община пыталась установить свое влияние на Верхней Волге, движимая торгово-экономическими и геополитическими соображениями. Для этого у нее были основания, поскольку уже с IX в. волжская система становится торной дорогой новгородских словен и северо-западных финно-угров в их движении в Залесскую землю. В Белозерье же славяне начали проникать с X в., утвердившись здесь даже раньше, чем в Приладжье. Белоозеро в X в. заселялось преимущественно новгородскими словенами, что способствовало поддержанию связей между белозерцами и новгородцами^[30].

На рубеже XI и XII вв. Верхнее Поволжье становится театром межволостных и междукняжеских войн. Активную роль в них играют новгородцы, обеспечившие победу Мстислава над Олегом в решающей битве «на Кулачье»^[31]. Наивно думать, будто новгородцы втягивались в княжеские междоусобицы помимо своей воли и вопреки своему желанию. Междукняжеская борьба — это нередко поверхностное отражение процессов, происходивших в глубинах народной жизни^[32]. Наступательная политика новгородцев в Верхнем Поволжье вылилась в 30-е годы XII в. в ряд походов. Она несколько ослабла после сокрушительного поражения новгородских полков в сражении при Ждане горе в 1135 году^[33].

Представляет интерес в плане истории текста Сказания о варягах и упоминание Ростова среди городов, которые Рюрик роздал своим мужам в кормление. Сама передача городов в кормление, соответствующая историческим реалиям второй половины XI–XII в.,

указывает на позднее происхождение записи о рюриковом пожаловании. Во время Рюрика, Олега и Игоря княжеским мужам предоставлялось право сбора дани с «примученных» племен, у которых данщики бывали наездами. На этом праве вырос своеобразный вассалитет, характеризуемый К. Марксом как примитивная ленная система, существовавшая «только в форме сбора дани»^[34].

Ростов попал в рассказ о призвании варягов, возможно, по инициативе князя Мстислава, находившегося под впечатлением от многочисленных военных конфликтов конца XI — начала XII в. из-за верхневолжских земель. Но если учесть, что редактирование Повести временных лет было поручено Мстиславом некоему новгородцу, то в упоминании Ростова, подчиненного Рюрику, правящему в Новгороде, следует предположить интерес не столько князя Мстислава, сколько новгородской общины и рассматривать данное упоминание как идеологическую форму притязания волховской столицы на влияние в верхневолжском регионе. Не случайно текст редакции Мстислава переносится в новгородские летописи^[35].

Помимо Ростова в перечне городов, которыми распорядился Рюрик, значится и Полоцк, что опять-таки может быть понято лишь в контексте событий второй половины XI — начала XII века. Отношения Новгорода с Полоцком характеризовались яростной враждой. Особенно много зла причинил новгородцам Всеслав Полоцкий, неоднократно опустошавший и поджигавший их город. Но самый ощутимый удар Новгороду Всеслав нанес в 1065 г.: «Приде Всеслав и възя Новѣгород, с женами и с детми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше беда в час тыи; и понекадила съима»^[36]. Беда великая стряслась с Новгородом: враг захватил его святыни, что, по понятиям людей того времени, было настоящей катастрофой, ибо лишало покровительства богов, делая беззащитным перед внешними враждебными силами. Упорную и длительную борьбу вели полоцкие князья с Владимиром Мономахом и Мстиславом, сыном Мономаха. Дело дошло даже до высылки в 1130 г. полоцких правителей в Византию^[37].

Неприязни к Полоцку у новгородцев и «вскормленного» ими Мстислава было предостаточно, чтобы не упустить возможности выставить «город кривичей» перед читателями летописей как город

издревле второразрядный, подчиненный власти новгородского князя. Этим и воспользовался новгородский книжник, редактировавший Повесть временных лет по заданию Мстислава. А затем этот политический выпад против Полоцка был использован составителями новгородских летописей. Рыбаков с полным основанием писал, что в результате редакторской работы начала XII в. варяжская легенда «обросла деталями, вставками, новыми генеалогическими домыслами»^[38]. Подобные новации вносились, как мы видели, по политическим мотивам. Политический характер имело и сообщение о призвании варяжских князей как таковом. Оно не оставалось однозначным, а усложнялось со временем.

По наблюдению Рыбакова, «в русской исторической литературе XI в. существовали и боролись между собой два взгляда на происхождение Русского государства. Согласно одному взгляду, центром Руси и собирателем славянских земель являлся Киев, согласно другому — Новгород». Исторический труд, призванный «выдвинуть на возможно более заметное место в русской истории Новгород», — «Остромирова летопись», или шахматовский новгородский свод 1050 года, где впервые и было записано Сказание о призвании варягов^[39]. Принимая мысль Рыбакова, что «новгородское посадничье летописание» повествованием о призвании князей утверждало паритет Новгорода с Киевом в создании русской государственности^[40], следует подчеркнуть и практическое значение этого, на первый взгляд сугубо исторического экскурса. Думается, оно заключалось в идеологическом обосновании борьбы Новгорода за независимость от киевских князей, распоряжавшихся новгородским столом и властно вмешивавшихся во внутреннюю жизнь местной общины.

Из «Остромировой летописи» легенда о призвании варягов перешла в «общерусское летописание», получив в XII в. «совершенно иное толкование». В Повести временных лет третьей редакции, осуществленной по инициативе Мстислава Владимировича, она «приобретала теперь новый смысл, более общий, как историческое объяснение происхождения княжеской власти вообще. Мстислав был вторично выбран новгородцами в 1102 г. Владимир был выбран в нарушение отчинного принципа Любечского съезда в 1113 г. Неисконность княжеской власти с незапамятных времен, как это было у

Нестора, а всенародное избрание, приглашение князя со стороны — вот что выдвигалось на первое место. А что место действия переносилось из древнего Киева в окраинный Новый город, любезный сердцу Мстислава, это было не так уж важно»^[41].

Не со всеми, однако, положениями Рыбакова можно согласиться. Несколько поспешным представляется тезис, будто в XII в. легенда о призвании варяжских князей получила «совершенно иное толкование». Правильнее было бы сказать, что содержание ее стало более емким и сложным, отвечая запросам не только Новгорода, но и Киева, не только новгородской, но и киевской общины. Легенда приобретает полифоническое звучание. Но самое, пожалуй, существенное заключалось в том, что она теперь в большей мере соответствовала исторической действительности, чем полвека назад. Если во времена Ярослава воля новгородцев («захотели они прогнать варягов-разбойников — и прогнали за море; захотели они призвать такого князя „иже бы владел нами и рядил на по праву“ и призвали»^[42]) была скорее желанной, чем реальной, то в начале XII в. наметился перелом в отношениях Новгорода с князьями, а к исходу 30-х годов данного столетия принцип свободы среди князей восторжествовал окончательно. В этих условиях Сказание о призвании князей-варягов превращается в своеобразный манифест политической вольности Новгорода. Сказание также декларировало приоритет Новгорода над Киевом в создании государственности на Руси, что во Введении к Новгородской Первой летописи младшего извода выражено словами: «Преже Новгородская волость и потом Киевская»^[43]. Наконец, в ней проводилась идея «первородности» княжеской власти в Новгороде, ее независимости от Киева и других крупных волостных центров, пытавшихся влиять на замещение новгородского княжеского стола. В этой связи привлекает внимание летописная фраза: «Новугородьци, та суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени». Так читаем в Повести временных лет. В Новгородской Первой летописи текст яснее и короче: «И суть новгородьстии людие до днешняго дни от рода варяжьска»^[44]. Рыбакову эта фраза кажется неясной и запутанной. Но на самом деле она, по нашему убеждению, таковой не является. Надо лишь вспомнить об особенностях мышления древних народов, наделявшего правителей сверхъестественной, божественной силой. Народная фантазия

превращала их в родоначальников племен и народов, то есть творила этногенетические предания^[45].

В качестве отечественного примера можно назвать предание о Кие, Щеке и Хориве, сохранившееся в Повести временных лет. По всей видимости, оно, как полагает Д. С. Лихачев, «имело культовое значение и сохранялось в Киеве в связи с почитанием киевлянами своих пращуров»^[46]. Именно духом преданий о пращурах веет от слов киевлян, говоривших Аскольду и Диру: «Была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градоко съ, изгибоша, и мы седим род их платяче дань козаром». Как видим, «кияне» считали себя потомками Кия, Щека и Хорива, а именитых братьев — своими родоначальниками^[47]. Этот летописный фрагмент дает ключ к пониманию мотива о новгородцах «от рода варяжска». Согласно ему, прародителями, родоначальниками новгородцев являются варяжские князья, почему «людые ноугородьци» и есть «от рода варяжска», хотя «преже бо беша словени». Эта головокружительная, исходя из современной логики, комбинация выдержана в нормах традиционного мировоззрения древних людей, склонных искать у истоков этнической или политической жизни племен, чужих и собственных, овеянные мифологией фигуры героев. Для новгородцев таковыми были варяги Рюрик, Синеус и Трувор, положившие начало их политического бытия с его особенностями, основанными на свободе призвания и изгнания правителей. Заметим, что здесь имеется еще одно противопоставление новгородцев киевлянам: первые — потомки Рюрика с братьями, вторые — Кия с братьями. Наряду с этим новгородские патриоты, выдумав трех братьев-родоначальников, уравнивали Новгород с Киевом, чтившим память Кия, Щека и Хорива.

Такова идея новгородского рассказа о призвании варягов. Но этот рассказ был известен и киевлянам, истолковавшим его на собственный лад. Причины включения новгородского Сказания в Повесть временных лет исследователи объясняли по-разному. Согласно Лихачеву, это было сделано «печерским летописцем» для пропаганды единства и братства древнерусских князей, чтобы восстановить среди них мир и согласие. Мавродин вслед за Грековым связывал использование легенды Сильвестром с целью оправдать вокняжение Владимира Мономаха в Киеве^[48].

Более предпочтительным представляется мнение Рыбакова, согласно которому варяжская легенда, помещенная в Повесть временных лет, проводила идею «всенародного избрания, приглашения князя со стороны», противопоставленную мысли об «исконности княжеской власти с незапамятных времен», каковой придерживались прежние летописцы^[49]. К сожалению, Рыбаков не обосновал должным образом свою, на наш взгляд, правильную по сути позицию, ограничившись двумя лишь иллюстрациями (избрания Мстислава новгородцами в 1102 г. и Владимира Мономаха киевлянами в 1113 г.), что создает впечатление случайности заключений.

Появление легенды в Киевском своде, по нашему убеждению, обуславливалось переменами в характере княжеской власти. Менялось положение князя в обществе, он превращался в орган общинной власти, пиком выражения которой являлось народное собрание — вече, то есть сходка всех свободных жителей Киева и его окрестностей. В основе этих изменений лежал процесс образования волостей-земель, или городов-государств, где князю хотя и отводилась весьма существенная роль верховного правителя, но подотчетного вечевому собранию. Перемены происходили постепенно, исподволь. Однако их результаты зримо уже обозначились в киевских событиях 1068–1069 гг., когда горожане изгнали князя Изяслава, а на его место избрали Всеслава Полоцкого^[50]. Обстоятельства появления в 1113 г. на киевском столе Владимира Мономаха еще показательнее. Он приехал в Киев по решению местного веча, которое пригласило его к себе на княжение. С Владимира Мономаха начинается, вероятно, систематическая практика избрания (приглашения) князей киевским вечем. Сын Мономаха прошел также через избрание, о чем можно судить по словам новгородского летописца: «Преставися Володимиръ великийи Кыеве, сын Всеволожь; а сына его Мьстислава посадиша на столе отци». А через два десятилетия князья сажаются в Кыеве уже «на всей воли» киевлян^[51]. Случалось, конечно, князья захватывали киевский стол с помощью силы. Но «кияне» с ними плохо уживались, ожидая удобного момента, чтобы выдворить из города неугодных правителей. Ко времени призвания в Киев Владимира Мономаха в общественном сознании киевлян созрела идея о вечевом избрании князей как естественном и законном способе их замещения. Она вошла в противоречие с принципом, выработанным князьями в 1097 г. на

Любечском съезде: «Кождо да держить отчину свою»^[52]. Договоренность князей осталась пустым звуком. Возобладало народное призвание, борьба за утверждение которого велась не только на вечевых площадях, но и на страницах летописей. Чтобы оправдать новыш порядок, надо было освятить его стариной. Легенда о призвании варягов хорошо подходила для этого. По Рыбакову, «было не так уж важно», что «место действия переносилось из древнего Киева в окраинный Новый город»^[53]. Наоборот, для киевских идеологов очень важно было то, что события начинались в Новгороде, куда прибыли «призванные» князья и откуда потом они перебрались в Киев. Только таким образом удалось бы показать пришлость князей, стороннее происхождение княжеской власти в Киеве. Для этого также потребовалось затушевать местную княжескую династию, ведущую родословие от Кия, что и было сделано в сцене появления Аскольда и Дира в Киеве: «И пойдоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок. И упрошаста и реста: „Чий се градок?“ Они же реша: „Была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градоко съ, и изгибоша, и мы седим род их платяче дань козаром“. Аскольд же и Дир остава в граде семь, и многи варяги съвокуписта, и начаста владети польскою землею»^[54]. Рассказ построен так, что Киев выглядит городом без князя, почему Аскольд и Дир просто остаются в нем, не совершая переворота и захвата власти. Отсутствие княжеской власти в городе подчеркивается здесь лексически: Киев, собственно, не «город», а «градок», то есть неполноценный город.

Под пером летописца княжеская власть в Киеве оказывается не только пришлой, но и запятнанной кровью: Олег, приплывший из Новгорода, коварно убивает Аскольда и Дира, садясь на княжение. По этике древнерусского общества времен составления Повести временных лет такое средство вокняжения являлось безнравственным, противоречащим христианским заповедям и морали.

Итак, для того, чтобы провозгласить право вечаго приглашения и избрания князей, киевскому летописцу пришлось отказаться от идеи исконности и непрерывности княжеской власти в Киеве с незапамятной поры^[55], а также бросить тень на ее «учредителей». Конечно, эту идеологическую акцию нельзя назвать прокняжеской. Она была предпринята в соответствии с потребностями киевской общины, что вполне естественно, ибо доминантой социальной жизни

являлась община, а не князь или элитарная верхушка. Взгляд на летописцев как на проводников феодальной идеологии, интересов князей, бояр и высших иерархов церкви, широко распространенный в современной исследовательской литературе, представляется односторонним, отчасти даже поверхностным. Выдающийся знаток истории русского летописания М. Д. Приселков говорил: «Самые первые летописные своды Киева XI в. дают нам возможность глубже заглянуть чрез них в социальную жизнь, поскольку эти летописные своды отражали точку зрения управляемых, а не правителей»^[56]. Полагаем, «точка зрения управляемых» отражалась также в летописных сводах XII в., примером чего и служит Сказание о варягах в составе Повести временных лет, независимо от того, кому мы обязаны включением ее в летопись — игумену Ивану, инок Нестору, игумену Сильвестру или безымянному третьему редактору памятника.

Выдвигая на первое место «всенародное избрание, приглашение князя со стороны» (Рыбаков), киевские идеологи, опиравшиеся для этого на варяжскую легенду новгородского происхождения, поневоле уступали Новгороду первенство в создании государственности на Руси^[57]. Отсюда и пошли впоследствии разговоры о старейшинстве Новгорода над Киевом. Но диалектика жизни обращала данную уступку к выгоде для Киева, освоенного Рюриковичами в качестве главной своей «резиденции», названной ими «матерью градов русских», что давало киевской общине основание направлять в Новгород князей и тем самым ставить его в зависимость от себя.

Мы рассмотрели идейную структуру Сказания о призвании варягов, стараясь показать, как использовали его новгородцы и киевляне на рубеже XI–XII вв. при решении своих задач. Каково же историческое содержание Сказания, отнесенное к концу IX в., или к событиям 250-летней давности? Имело ли место призвание варягов? Если имело, то что означало оно?

«Призвание», думается, было, но не на княжение, а для помощи в войне и не трех мифических братьев, а одного варяжского конунга с дружиной. Племенем, которое пригласило варяжский отряд наемников, являлись, вероятно, новгородские словене, боровшиеся за господство в родственном словенском союзе племен и стремившиеся завоевать руководящее положение в суперсоюзе, куда, помимо словен, входили племена кривичей и чудь. Греков и Мавродин, как мы знаем,

допускают возможность найма новгородцами вспомогательного варяжского отряда, а Рыбаков, исходя из факта норманских наездов, полагает, что один из подобных наездов «был изображен новгородским патриотом как вполне добровольное приглашение, изъявление воли самих новгородцев»^[58]. В последнем случае надо признать факт варяжского завоевания, замаскированный стыдливо патриотически настроенным новгородцем. Вряд ли это было в действительности. Более правдоподобно приглашение норманского конунга с дружиной, превращенное позднее в призывание варягов на княжение. Для такого предположения есть некоторые летописные данные, не учтенные в должной мере новейшими исследователями. В Новгородской Четвертой летописи читаем: «Въсташа Кривици и Словени и Меря и Чюдь на Варягы, изыгнаша я за море, и не даша им дани, начаша сами себе владими и города ставити; и не бе в них правды; и воста род на род; и бысть межи ими рать велия, усобица, и воевати почаша сами на себе. И реша сами к себе: „поищем собе князя, иже бы володил нами и радил ны и судил в правду“. И... послаша за море к Варягом... Реша Чюдь, Словене, Кривици Варягом: „вся земля наша добра и велика есть, изобилна всем, а нарядника в ней нет; и пойдите к нам княжить и володить нами“. Изъбрашася от Немець три браты с роды своими, и пояша с собою дружину многу. И пришед старейшиною Рюрик седе в Новегороди, а Синеус, брат Рюриков, на Белиозере, а Трувор вы Избрьске; и начаша воевати всюды» (курсив мой. — И. Ф.)^[59]. Бросается в глаза явная несогласованность рассказа о призывании Рюрика в качестве «нарядника», обязанного «володеть, рядить и судить в правду», с известиями о его приезде в окружении большой дружины и начатых им войнах «всюды». Второе решительно подрывает первое и может быть объяснено только тем, что Рюрик прибыл к словенам для оказания военной поддержки племени, призвавшему варягов на помощь. Можно ли доверять сообщению Новгородской Четвертой летописи? Отбросить, не задумываясь, ее показания — самое простое дело. Но источниковедческий анализ вскрывает сложность состава протографа Новгородской Четвертой летописи: «Соединив ПВЛ в редакции Лаврентьевской — Троицкой летописи с новгородским летописанием, основанным на Начальном своде, сводчик использовал еще несколько сводов, претендовавших на обще-русский характер (свод, близкий к Ипатьевской, суздальско-

ростовский и тверской своды), в результате чего в первую часть летописи попали и такие известия, которых не было ни в ПВЛ, ни в Новгородской I летописи»^[60]. Следовательно, нет причин относиться с полным недоверием к разночтениям в Сказании о призвании князей-варягов Новгородской Четвертой летописи, версия которой могла восходить к сведениям, не дошедшим до нас в других летописных сводах.

Военная помощь, оказанная варягами новгородским словенам, была, очевидно, довольно эффективной, что и побудило их конунга посягнуть на местную княжескую власть. Вспомним схожий случай, происшедший столетие спустя, когда варяги помогали князю Владимиру овладеть Киевом. Войдя в город, варяги заявили Владимиру: «Се град наш; мы пряхом и, да хотим имати окуп на них, по 2 гривне от человека». Это и понятно, ибо власть и тогда и раньше добывалась силой.

«Государственный переворот», сопровождавшийся истреблением словенских князей и знатных людей, признавался рядом советских историков. О нем писал Греков в своих ранних работах, посвященных Киевской Руси. По словам Мавродина, варяжскому викингу, призванному на помощь одним из словенских старейшин, «показалось заманчивым овладеть самим Holmgard — Новгородом, и он, с дружиной явившись туда, совершает переворот, устраняет или убивает новгородских „старейшин“, что нашло отражение в летописном рассказе о смерти Гостомысла „без наследия“, и захватывает власть в свои руки»^[61].

О физическом устранении Рюриком новгородского князя и окружавшей его знати можно догадаться по некоторым сведениям Никоновской летописи, уникальным в русском летописании. Под 864 годом в летописи говорится: «Оскорбишася Новгородци, глаголюще: „яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета уби Рюрик Вадима храброго, и иных многих изби Новгородцев съветников его“»^[62]. В 867 г. «избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много Новгородцких мужей»^[63]. Известно, что древняя хронология летописей условна: под одним годом летописцы нередко соединяли события, происходившие в разные годы. Имело место, вероятно, и обратное, то есть разъединение происшествий, случившихся единовременно, по нескольким годам. Последнее,

видимо, мы и наблюдаем в Никоновской летописи. Но, разбивая происшедшее на ряд разновременных эпизодов, летописец изменял ход и смысл действий, связанных с переворотом. Получалось, что после захвата Рюриком власти недовольные новгородцы долго еще сопротивлялись насильнику. Именно так и поняли средневекового «писателя» ученые-историки, дореволюционные и советские. «Касательно определения отношений между призванным князем и призвавшими племенами, — рассуждал С. М. Соловьев, — сохранилось предание о смуте в Новгороде, о недовольных, которые жаловались на поведение Рюрика и его родичей или единоплеменников и во главе которых был какой-то Вадим; этот Вадим был убит Рюриком вместе с новгородцами, его советниками». Однако смуты продолжались, ибо в предании повествуется, «что от Рюрика из Новгорода в Киев бежало много новгородских мужей». Соловьев обращается к «последующим событиям новгородской истории» и встречает сходные явления: «И после почти каждый князь должен был бороться с известными сторонами и если побеждал, то противники бежали из Новгорода к другим князьям на юг, в Русь, или в Суздальскую землю, смотря по обстоятельствам. Всего же лучше предание о неудовольствии новгородцев и поступке Рюрика с Вадимом и с советниками его объясняется рассказом летописи о неудовольствии новгородцев на варягов, нанятых Ярославом, об убийстве последних и мести княжеской убийцам»^[64].

С полным вниманием к известиям Никоновской летописи о Вадиме Храбром с советниками, пострадавшими от Рюрика, относился Мавродин: «Вокняжение Рюрика в Новгороде, — замечал он, — произошло в результате переворота, помимо воли и желания новгородских „мужей“ и даже вопреки им, а это, естественно, породило борьбу между узурпаторами-варягами и новгородцами, стремившимися сбросить навязанную им оружием власть варяжского викинга». Сопротивление новгородских «мужей» было «длительным и сильным»^[65].

Толкование Соловьевым и Мавродиным известий о Вадиме Храбром и «мужах»-новгородцах, возмущенных поведением Рюрика и сопровождавших его варягов, не учитывает воззрений древних людей на власть и способы ее приобретения, отвечая более образу мыслей человека нового времени. Задача же исследователя заключается в том,

чтобы взглянуть на события новгородской истории второй половины IX в. с точки зрения их участников.

Начнем с главного героя противной Рюрику стороны — Вадима. Летописец ничего не говорит о социальном статусе Вадима, но именует его Храбрым, оставляя нам хотя и крошечную, но все же зацепку для дальнейших размышлений. Храбрый — это, конечно, прозвище, характеризующее того, кому оно дано^[66]. Отталкиваясь от него, определяем род деятельности Вадима как военный. Храбрость на войне — качество, которое высоко ценилось в традиционных обществах. «Храбор на рати» — одна из наиболее восторженных характеристик древнерусских князей, читаемых в летописях. Князья, особенно прославившиеся храбростью, мужеством и удалством, получали и соответствующие прозвища: Мстислав Храбрый, Мстислав Удатный (Удалой). Возвращаясь к Вадиму Храброму, можем теперь предположить, что перед нами словенский военный предводитель, вождь или князь^[67]. В лице же «советников» Вадима мы сталкиваемся, по всей видимости, с новгородскими старейшинами. Рюрик, убив Вадима и соправительствующих с ним старейшин, сам становится князем. Скорее всего, захват власти и убийство представителей высшего, говоря современным языком, эшелона власти новгородских словен были единовременной акцией. Но если кровавая драма растянулась на несколько актов, то, бесспорно, не на годы, как это изображено летописцем. Длительное сопротивление новгородцев Рюрику после смерти Вадима Храброго и старейшин должно быть исключено. Почему?

У первобытных народов верховная власть не всегда передавалась по наследству и доставалась тому, кто, например, победил правителя в единоборстве. Убийства властителей порой следовали одно за другим. Скажем, «за то время, пока Фернанд Перес д'Андрада по пути в Китай нагружал в княжестве Пассиер свой корабль пряностями, были убиты два правителя. Причем это не вызвало в городе ни малейших признаков волнения; жизнь продолжала идти своим ходом, как будто цареубийство было здесь обычным делом. Однажды за один-единственный день со ступеней трона на пыльный эшафот один за другим ступили три правителя. Обычай этот представлялся народу достойным похвалы и установленным свыше. В обоснование его местные жители ссылались на то, что бог не допустил бы, чтобы царь,

его наместник на земле, умер насильственной смертью, если бы он своими преступлениями не заслужил такой участи». Джеймс Джордж Фрэзер, из книги которого взяты эти примеры, упоминает о подобном обычае и у древних славян: «Когда захваченные в плен Гунн и Ярмерик убили князя и княгиню славян и пустились в бегство, язычники кричали им вдогонку, чтобы они возвратились и правили вместо убитого князя. Такое предложение вполне соответствовало представлениям древних славян о престолонаследии. Однако беглецы не вняли посулам преследователей, сочтя их простой приманкой, и продолжали бегство до тех пор, пока крики язычников не смолкли вдали»^[68].

Таким образом, убийство Рюриком словенского князя Вадима с последующим присвоением княжеского титула нельзя считать чем-то необычайным, из ряда вон выходящим. Оно нисколько не диссонировало местным обычаям и понятиям об источниках власти правителей и потому едва ли вызвало в народе замешательство, а тем более жажду мести. Бог на стороне победителя — укоренившийся принцип, владевший умами язычников, каковыми и являлись новгородские словене рассматриваемой поры.

Приобретение власти посредством убийства соперника иллюстрирует вся дальнейшая история языческой Руси. Олег, по преданию, убивает Аскольда и Дира, чтобы вокняжиться в Киеве. Ярополк устраняет брата своего Олега. Смертельная опасность нависла над Владимиром. И он, прослышав, «яко Ярополк уби Ольга, убоявся бежа за море». Собрав множество воинов, Владимир «поиде на Ярополка». Намерение свое он не таил, говоря Блуду, воеводе Ярополка: «Поприрай ми! Аще убью брата своего, имети ты хочю во отца место...». Как и следовало ожидать, Ярополк был убит, и «нача княжити Володимир в Киеве един». После смерти Владимира по тем же языческим мотивам Святополк расправляется с Борисом и Глебом, причисленными позднее церковью к лику святых великомучеников, в чем надо видеть не одно лишь воздаяние убиенным братьям за страдания, но и осуждение этого кровавого обычая язычников, греховного с точки зрения христианской морали. Сам Святополк избежал смерти от руки Ярослава благодаря лишь бегству. И все же он «испроверже живот свой» где-то в пустыне «межю Ляхы и Чехы»^[69].

Убив правителя, соперник приобретал не только власть, но также имущество, жену и детей побежденного. Летописец, рассказывая об убийстве древлянским князем Малом киевского князя Игоря, подает это в завуалированной форме сватовства Мала к Ольге, вдове покойного Игоря. Но слова древлян не оставляют сомнений на сей счет: «Се князя убихом рускаго; пойдем жену его Вольгу за князь свой Мал и Святослава, и створим ему, яко же хощем». Характерны и слова покорности киевлян, произнесенные под впечатлением гибели своего властителя: «Нам неволя; князь нашъ убиен...»^[70] В действительности, если верить преданию о мести Ольги, все получилось иначе: женитьба не состоялась, древляне наказаны. Но это не мешает нам находить в нем отзвуки архаических обычаев и ритуалов. В соответствии с древними нравами поступил князь Владимир, который, убив Ярополка, «залеже» его жену, «от нея же родися Святополк». Однако точно сказать, кто бы отцом Святополка, Владимир или Ярополк, летописец не мог, а возможно, и не хотел, ограничившись двусмысленностью: «Бе бо от двою отцю, от Ярополка и от Владимира»^[71]. Поэтому мы вправе предположить, что вместе с княжеским столом Владимир взял жену и сына убитого Ярополка. Выпукло и колоритно изображен архаический порядок перехода власти в летописном рассказе о поединке Мстислава с Редедей: «В си же времена (1022 г. — И. Ф.) Мьстиславу сущю Тмуторокани поиде на касогы. Слышав же се, князь касожьскый Редедя изиде противу тому. И ставшема обеима полкома противу собе, и рече Редедя к Мьстиславу: „Чего ради губиве дружину межи собою? Но снидеве ся сама бороть. Да аще одолееши ты, то возмеш именье мое, и жену мои, и дети мое, и землю мою. Аще ли аз одолею, то възму твое все“. И рече Мьстислав: „Тако буди“. И рече Редедя ко Мьстиславу: „Не оружием ся бьеве, но борьбою“. И яста ся бороти крепко, и надолзе борющимися има, нача изнемогати Мьстислав: „О пречистая богородица помози ми. Аще бо одолею сему, съзижду церковь во иш твое“. И се рек удари им о землю. И вын зе ножъ, и зареза Редедю. И шед в землю его, взя все именье его, и жену его и дети его, и дань възложи на касогы»^[72]. Судя по летописному рассказу, пишет А. В. Гадло, «и „князь касожский“, и Мстислав понимали исключительную значимость предстоявшего сражения, и этимбылошзвано обоюдное решение обратиться к поединку, то есть к суду высших,

сверхъестественных сил, особую связь с которыми каждый из них ощущал и в помощи которых был уверен. Смысл поединка двух вождей и неотвратимость гибели одного из них, несомненно, были понятны и их дружинам, что объясняет их созерцательную позицию на поле боя. Такой способ решения важных политических вопросов в эпоху, о которой идет речь, был широко распространен». Победив касожского князя, Мстислав «приобрел право на власть не только над адыгами, населявшими Кубанскую дельту, но и над всей адыгской общностью, сувереном которой был Редедя. Причем акт единоборства, происходившего открыто на глазах представителей сторон, на паритетных условиях, должен был восприниматься как ритуальная форма передачи власти. Не случайно летопись не говорит ни о сопротивлении адыгов (касогов) Мстиславу, ни о битве, последовавшей за поединком. Согласно повествованию о событиях 1023–1024 гг., Мстислав был признан вождем адыгских дружин, и они последовали за ним на Русь, где составили ядро его войск в сражениях с Ярославом»^[73].

На фоне привлеченных исторических материалов захват власти Рюриком посредством убийства князя словен Вадима не покажется надуманным рассказом. В примерах с Гунном и Ярмериком, Мстиславом и Редедей мы видим случаи, когда власть могла быть передана или передавалась в руки иноплеменников, умертвивших местного вождя.

Таким образом, Сказание о призвании варягов предстает перед нами и в идейном и в конкретно-историческом плане как сложное и многослойное произведение, создававшееся и обрабатывавшееся на протяжении довольно длительного времени, заключающее в себе отголоски различных эпох восточнославянской и древнерусской истории. В этом оно родственно памятникам устного народного творчества, например былинам. Вот почему полностью отрицать причастность Сказания к фольклорной традиции и утверждать сугубо литературное его происхождение нет достаточных оснований. Но соотношение в нем фольклорного и литературного начал должно стать предметом специального исследования.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](http://BooksCafe.Net)

[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)

notes

Повесть временных лет (ПВЛ). Ч. 1. М.-Л. 1950, с. 18.

ШАСКОЛЬСКИЙ И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.-Л. 1965, с. 56.

См. Современник, 1860, т. 80, отд. 1, с. 279.

ИЛОВАЙСКИЙ Д. И. Разыскания о начале Руси. М. 1876, с. 238–239.

ШАХМАТОВ А. А. Сказание о призвании варягов. СПб. 1904;
ЕГО ЖЕ. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.
1908, с. 289–340.

См.: ПАРХОМЕНКО В. А. Русь в IX веке. — Известия Отделения русского языка и словесности, 1917, т. 22, кн. 2, с. 128–129; ЕГО ЖЕ. У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л. 1924, с. 5, 7.

ПОКРОВСКИЙ М. Н. Избранные произведения. Кн. 1. М. 1966, с. 98.

ГРЕКОВ Б. Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. М.-Л. 1936, с. 170–171, 9; ТО ЖЕ. М.-Л. 1937, с. 170–171, 9; ЕГО ЖЕ. Киевская Русь. М.-Л. 1939, с. 227–228.

ГРЕКОВ Б. Д. Киевская Русь, с. 12, 229; ЕГО ЖЕ. Борьба Руси за создание своего государства. М.-Л. 1945, с. 50; ЕГО ЖЕ. Киевская Русь. М. 1953, с. 452.

МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства. Л. 1945, с. 211–213.

РУБИНШТЕЙН Н. Л. Путаная книга по истории Киевской Руси. — Вопросы истории, 1946, № 8–9, с. 113; ПОКРОВСКИЙ С. А. Новый труд об образовании древнерусского государства. — Советское государство и право, 1946, № 5–6, с. 93; БАЗИЛЕВИЧ К. В. Из истории образования Древнерусского государства. — Большевик, 1947, № 5, с. 54.

ПВЛ. Ч. 2. Комментарии. М.-Л. 1950, с. 115, 237, 238; ЛИХАЧЕВ
Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л.
1947, с. 93, 158.

ЛИХАЧЕВ Д. С. Ук. соч., с. 159–160; ПВЛ. Ч. 2, с. 113; см. также:
АЛПАТОВ М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–
XVII вв. М. 1973, с. 40.

ЮШКОВ С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. 1949, с. 29, 67.

Очерки истории СССР. Период феодализма (IX–XIII вв.). Ч. 1. М. 1953, с. 76.

ШАСКОЛЬСКИЙ И. П. Ук. соч., с. 6.

РЫБАКОВ Б. А. Начало Русского государства. — Вестник МГУ, 1955, № 4–5, с. 74; ЕГО ЖЕ. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. — Вопросы истории, 1962, № 4, с. 37.

Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. М. 1958, с. 784; РЫБАКОВ Б. А. Обзор общих явлений, с. 36.

РЫБАКОВ Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.
М. 1982, с. 298–300.

КИРПИЧНИКОВ А. Н., ДУБОВ И. В., ЛЕБЕДЕВ Г. С. Русь и варяги. В кн.: Славяне и скандинавы. М. 1986, с. 193; ЛЕБЕДЕВ Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985, с. 212, 214.

МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М. 1971, с. 124.

БУДОВНИЦ И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. М. 1960, с. 62–63.

ЛИТАВРИН Г. Г., ЯНИН В. Л. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX–XV вв. — История СССР, 1970, № 4, с. 52.

Новгородская I летопись (НПЛ). М.-Л. 1950, с. 106–107; ПВЛ. Ч. 1, с. 18.

См. ЯНИН В. Л. Новгородские посадники. М. 1962, с. 59.

См.: КИРПИЧНИКОВ А. Н., ДУБОВ И. В., ЛЕБЕДЕВ Г. С. Ук. соч., с. 196; КИРПИЧНИКОВ А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. В кн.: Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л. 1988, с. 61; ЕГО ЖЕ. Каменные крепости Новгородской земли. Л. 1984, с. 41.

НПЛ, с. 19, 203; КУЗЬМИН А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды. В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М. 1967, с. 46, 53.

ГОЛУБЕВА Л. А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М. 1973, с. 81.

КУЗА А. В. Новгородская земля. В кн.: Древнерусские княжества X-XIII вв. М. 1975, с. 147, 155.

ДУБОВ И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л. 1982, с. 44; ГОЛУБЕВА Л. А. Ук. соч., с. 194.

ПВЛ. Ч. 1, с. 170.

ФРОЯНОВ И. Я., ДВОРНИЧЕНКО А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л. 1988, с. 6–7.

НПЛ, с. 23, 208.

МАРКС К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. — Вопросы истории, 1979, № 4, с. 4; см. также: ФРОЯНОВ И. Я. Киевская Русь. Л. 1980, с. 52–54, 60–63.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 4, Пг. 1915, с. 11;
РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь. М. 1963, с. 291–293.

НПЛ, с. 17; АЛЕКСЕЕВ Л. В. Полоцкая земля. М. 1966, с. 242.

ПСРЛ. Т. 2. М. 1962, стб. 293; АЛЕКСЕЕВ Л. В. Ук. соч., с 251, 255, 258, 261.

ПСРЛ. Т. 4, с. 11; РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 294.

РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 193, 198, 199.

Там же, с. 293.

Там же, с. 206, 292.

Там же, с. 293.

НПЛ, с. 103.

ПВЛ. Ч. 1, с. 18; НПЛ, с. 106.

РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 296. Ср.: ФРЭЗЕР Дж. Дж. Золотая ветвь. М. 1980, с. 99–125; СОКОЛОВА В. К. Русские исторические предания. М. 1970, с. 10.

Русское народное поэтическое творчество. Т. 1. М.-Л. 1953, с. 155.

ПВЛ. Ч. 1, с. 18, 215.

ПВЛ. Ч. 2, с. 237; МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства, с. 125–126.

РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 292.

Подробнее о событиях 1068–1069 гг. см.: ФРОЯНОВ И. Я. Вече в Киеве 1068–1069 гг. В кн.: Из истории феодальной России. Л. 1978; ЕГО ЖЕ. Киевская Русь. Л. 1980, с. 164; ФРОЯНОВ И. Я., ДВОРНИЧЕНКО А. Ю. Ук. соч., с. 44–46.

НПЛ, с. 21, 205; ПСРЛ. Т. 2, стб. 322; см. также: СЕРГЕЕВИЧ В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб. 1910, с. 144; РЫБАКОВ Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М. 1971, с 107; ФРОЯНОВ И. Я. Киевская Русь, с. 172.

ПВЛ. Ч. 1, с. 170.

РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 292.

ПВЛ. Ч. 1, с. 18–19.

См. РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 292.

ПРИСЕЛКОВ М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л. 1940, с. 5.

Наше наблюдение перекликается с тем, о чем в свое время писал Приселков: «Сплетая новгородские преданья с историей киевского юга, литературным путем вступая в борьбу с очевидным для его времени новгородским сепаратизмом, автор готов признать новгородское происхождение правящей династии, выдвигая тем Новгород как колыбель Киевского государства» (там же, с. 34–35).

ГРЕКОВ Б. Д. Киевская Русь. М.-Л. 1939, с. 452; МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства, с. 211; РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 293–294.

ПСРЛ. Т. 4, с. 11; см. также: т. 26. М.-Л. 1959, с. 15; т. 27. М.-Л. 1962, с. 18.

ЛУРЬЕ Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л. 1976, с. 101.

ГРЕКОВ Б. Д. Киевская Русь М.-Л. 1939, с. 229; МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства, с. 211–212.

КЛОСС Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М. 1980, с. 187.

ПСРЛ. Т. 9. СПб. 1862, с. 9. Отношение к оригинальным известиям Никоновской летописи IX–XI вв. у исследователей далеко не однозначное. Так, Н. М. Карамзин считал сообщение о Вадиме «догадкою и вымыслом» (КАРАМЗИН Н. М. История Государства Российского. Т. 1. М. 1989, с. 95); И. Е. Забелин, напротив, полагал, что известия Никоновской летописи за 864–867 гг. содержат «столько достоверности, что нет и малейших оснований отвергать их глубокую древность» (ЗАБЕЛИН И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М. 1876, с. 475). О несомненном использовании Никоновской летописью каких-то древних источников писал Мавродин (МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства, с. 212). Фраза о Вадиме Храбром вызвала у Рыбакова сомнение, хотя в другом месте Никоновский свод воспроизводит/записи «летописи Осколда», начатой в Киеве «в год крещения русов в 867 г. и законченной гибелью князя от руки норманна» (РЫБАКОВ Б. А. Древняя Русь, с. 169–173). Согласно Клоссу, древнейшие сведения Никоновской летописи «носят отчетливо легендарный характер или основаны на домыслах составителя» (КЛОСС Б. М. Ук. соч., с. 187). Косвенные данные позволяют отнести к известиям Никоновской летописи о Вадиме Храбром с определенной долей доверия, о чем речь ниже.

СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. 1. М. 1988, с. 128, 129.

МАВРОДИН В. В. Образование Древнерусского государства, с. 212.

По Соловьеву, «Вадим, водим, может быть и нарицательное имя: в некоторых областных наречиях оно означает коновод, передовой, проводник» (СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч., с. 296). Думается, что это слишком смелая догадка.

У В. Н. Татищева Вадим назван князем: «В сии времена словяне бежали от Рюрика из Новагорода в Киев, зане убил Вадимра храброго князя словенского» (ТАТИЩЕВ В. Н. История Российская. Т. 2. М-Л. 1963, с. 34).

ФРЭЗЕР Дж. Дж. Золотая ветвь, с. 329, 313.

ПВЛ. Ч. 1, с. 20, 53–56, 91, 93.

Там же, с. 40, 41.

Там же, с. 56.

Там же, с. 99.

ГАДЛО А. В. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия. В кн.: Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар. 1988, с. 95, 96.